

12. Розенберг Н. М. Информационная культура в содержании общего образования // Советская педагогика. 1991. № 3. С.33-38.
13. Уваров А. Ю. Новые информационные технологии и реформа образования // Информатика и образование. 1994. № 3. С.3-15.
14. Богданова С. В. Вариативность повышения квалификации учителей в области новых информационных технологий: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1997. 21 с.
15. Моисеева М. В. Компьютерные телекоммуникации в системе повышения квалификации учителей средних школ: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1997. 21 с.
16. Лавина Т. А. Содержание подготовки студентов педвузов к применению современных информационных технологий в будущей профессиональной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. 21 с.
17. Брановский Ю. С. Новая дисциплина «Введение в педагогическую информатику» в структуре многоуровневого педагогического образования // Педагогическая информатика. 1995. № 2. С.18-29.
18. Киселев Г. М. Реализация разноуровневого подхода в подготовке будущего учителя к использованию ЭВМ в учебном процессе: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1995.
19. Лапчик М. П. Информатика и технология: компоненты педагогического образования // Информатика и образование. 1992. № 1. С. 3-6.

*Надежда Николаевна ЛЫКОВА —
доцент кафедры французской филологии
факультета романо-германской
филологии,
кандидат филологических наук*

УДК 800.34

К ИСТОРИИ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПРАВОВЫХ ТЕКСТОВ: КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются взаимоотношения между правом, культурой и религией, выявляются особенности формирования языка права во Франции и России в связи с функционированием культурно-семиотической системы.

The article deals with law, culture and religion interrelations. It reveals the law language formation peculiarities in France and Russia, linked with the culture-semiotic system.

Анализируя историю и функционирование права в разных культурных системах, лингвисты, занимающиеся этими вопросами, приходят к выводу о том, что восприятие основных юридических категорий зависит от типа культурного сознания, который обуславливает характер функционирования права. Таким образом, различие юридических институтов России и Запада соотносится с различиями семиотических механизмов соответствующих культур. Подобный подход, когда история права рассматривается в связи с функционированием культурно-семиотической системы, характеризует работы Ю. М. Лотмана, В. М. Живова [1]. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проследить, каким образом связаны право и культура в России и во Франции и как эти взаимоотношения влияют на формирование языка права в той и другой стране.

Очевидно, что право является неотъемлемым элементом культуры любого народа и коренится в обычаях и религии. Существует множество подходов к пониманию культуры. Не ставя своей задачей проанализировать их, отметим, что мы придерживаемся информационно-семиотической концепции культуры. Культура при этом по-

нимается как система, стоящая между человеком и окружающей его действительностью, иначе говоря, как механизм переработки и организации информации, поступающей из внешнего мира [2: 276], как социальная информация, сохраняющаяся и накапливающаяся в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств [3: 3]. В составе культуры выделяют несколько областей, охватывающих различные культурные формы: духовная культура (религия, наука, искусство, философия), техническая культура (культура освоения и обработки материалов, культура изготовления, применения и т. п.) и социальная культура или культура социальных отношений. К ней относятся нравственная, правовая, политическая культура. Главное содержание правовой культуры — регулятивы, то есть правила или требования, регламентирующие поведение человека. Культурные области не изолированы друг от друга, они сочетаются и взаимопересекаются, границы между ними нечетки, расплывчаты [3: 9-11]. Так, например, право зарождается и долгое время существует в рамках духовной культуры.

Если обратиться к моменту зарождения права, то можно, по-видимому, утверждать, что право, понимаемое как определенный правовой порядок, возникает одновременно с возникновением человеческого общества и языка: при взаимодействии, общении люди вынуждены были выстраивать свое поведение, свою деятельность сообразно не только своим интересам, но и учитывая стремления, желания, интересы окружающих. Правовой порядок строился первоначально на обычае, не отделяемом от религии, нравственности, морали. Обычай существовал в устной форме и являлся основным средством передачи общественного опыта от поколения к поколению. Возникновение и развитие обычаев объясняют постоянным повторением однородных действий, поступков людей, оказавшихся в сходных ситуациях. Подобное наслоение однородных действий (итеративность) связано с закономерной повторяемостью явлений, присущей объективной действительности вообще и общественной жизни, в частности.

Часто считают, что обычаи регулировали главным образом отношения, возникающие в быту. Это не совсем верно: в примитивном обществе обычаи были регуляторами отношений во всех областях жизни человека, в том числе и духовной [4: 47-60]. Обычай, или правила поведения, создавались непосредственно обществом, это был не навязанный сверху свод правил, а скорее, выражение коллективного сознания, «коллективной совести» общины. Раскрывая механизмы возникновения права, известный русский историк права М. Ф. Владимирский-Буданов к числу первоисточников права относит прежде всего природу человека, подчиненную тем же законам, что и природа органическая и неорганическая. На первой ступени, считает он, право является чувством (инстинктом): месть, защита детей родителями, первоначальное право владения. На второй ступени право проникается сознанием: то, что есть (иначе, факт), превращается в то, что должно быть (то есть, право) [5: 109]. Обычай выражали и защищали интересы всех членов рода и поэтому соблюдались добровольно, без принуждения. Обычай носил обязательный для всех, и даже сакральный, характер. По воззрению людей того времени, пишет Р. Л. Хачатуров, обычай являлся заветами богов, и следовательно, нарушение их — проступок против самого божества [4: 46]. Поэтому обычай свято чтился и неукоснительно соблюдался, а любой виновный в их нарушении наказывался не только потому, что в родовой общине никто не имел привилегий, и все были равны, но и потому, что никто не должен идти против правил, освященных богами.

Однако обычаи нельзя понимать как нечто незыблемое, устойчивое, неизменное. Менялась жизнь, менялись и обычаи: одни исчезали, появлялись новые. Перед обществом вставала проблема выбора наиболее «разумных», целесообразных обычаев. Таким образом, применение обычаев было селективным, и сами обычаи приспосабливались к изменчивым условиям жизни.

Самые ранние известные правовые порядки носили в основном племенной характер. Каждое племя имело собственное право. Характеризуя племенное право народов, населявших Европу, Г. Дж. Берман приходит к выводу, что в период с VI по X вв. правовые порядки всех этих народов (франков, бургундов, алеманнов, вестготов, остготов, англо-саксов, кельтов, скандинавских, славянских племен и др.) были очень схожи [6: 63, 72]. Этот же факт отмечал и известный русский историк права М. Ф. Владимирский-Буданов еще в конце XIX в. [5: 109]. Взгляды на подобие правовых порядков различных племен разделяются и чешским исследователем славянского права К. Кадлеком, который выделяет два периода в юридическом развитии славянских племен: 1) древняя эпоха — начиная с доисторических времен, когда славяне представляли собой единый народ при незначительных различиях между племенами, до конца IX или до X вв. н. э., когда последовательно появляются разные славянские государства; 2) современный период — с начала X в. до наших дней, в течение которого эти государства жили, развивались (часть их исчезла) [7: 4]. Примечательно, что и К. Кадлек, и Г. Дж. Берман единодушны в определении хронологических рамок той исторической эпохи (по крайней мере, верхней ее границы), в течение которой правовой порядок народов характеризуется большим сходством.

Это сходство нельзя объяснить заимствованием обычаев одних племен у других, так как географически многие из этих племен были разъединены, а дальние расстояния и естественные преграды создавали в те времена значительные препятствия для контактов народов. Скорее, это подобие проистекает из общего (индоевропейского) происхождения, общих корней, восходит к временам общеиндоевропейской этнической общности и свидетельствует о моногенезе разошедшихся позднее культур.

К тем же выводам приходят не только историки права, но и лингвисты. Так, в работах Э. Бенвениста, В. В. Иванова, В. Н. Топорова доказывается, что древнейшие юридические тексты обнаруживают следы происхождения из единого синкретического культурного комплекса, в котором право сплетено с системой мифопоэтических представлений [8].

Тем не менее, как совершенно справедливо считают историки права, несмотря на то, что обычаи разных народов, стоящих на одной и той же ступени развития, во многих случаях не только сходны, но и тождественны, обычное право каждого народа обладает своеобразными чертами и особенностями, сложившимися под влиянием экономической и социальной жизни, а также культурных воззрений данного народа [5: 111; 4: 146]. Как удачно выразился К. Краковский в предисловии к монографии М. Ф. Владимирского-Буданова, выдержавшей семь изданий и переиздаваемой через сто с лишним лет после первой публикации, «народ, способный к историческому существованию, имеет свое национальное лицо: его история не может быть простой копией, простым повторением историй других народов. Национальные особенности могут быть прослежены в самых разных сторонах его культуры, в том числе в праве, поскольку оно — элемент культуры» [5: 28].

Теперь уже можно считать доказанным, что древняя славянская юридическая традиция сложилась еще до появления письменности. На это ясно указывают древнейшие русские юридические тексты, прежде всего Русская Правда. Историки права рассматривают Русскую Правду как основной древнерусский источник светского права, как свод княжеских законов, предшественниками которых явились нормы обычного права. Помимо Русской Правды древняя правовая традиция нашла свое отражение в русско-византийских договорах 911, 944 гг.¹, 971 г., сохранившихся в составе древнерусской летописи «Повесть временных лет», куда они попали из каких-то более ранних летописных сводов X в. Эти договоры (договор Олега с грека-

¹ В некоторых исследованиях эти договоры датируются 912 и 945 гг.

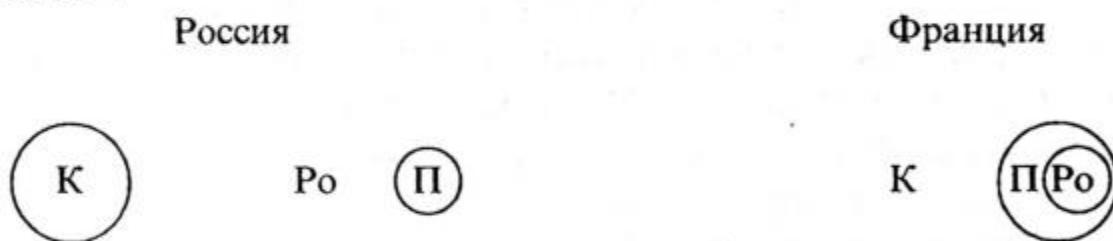
ми; договор Игоря с греками; договор Святослава с греками), в которых упоминается Закон Русский, привлекают внимание как историков, так и лингвистов. Историки и, прежде всего, историки права, анализируя тексты договоров, устанавливают связь Закона Русского с обычным правом и его последующее использование в качестве источника правовых норм составителями Краткой редакции Русской Правды и предпринимают попытки реконструировать нормативный состав Закона Русского [см. об этом подробнее, например, 9].

Лингвисты, изучая язык договоров, объясняют трудные места в тексте договоров, определяют, на каком языке они написаны, связывают исследование договоров русских с греками с вопросом о происхождении русского литературного языка и особенностях первого этапа его развития. Язык договоров неоднороден: в нем встречаются и чисто русские формы, и конструкции старославянского построения, а также множество элементов древнеболгарского. Несмотря на это, в основе документа лежит русский язык, доказывает Б. А. Ларин в противоположность С. П. Обнорскому, признающему язык одного договора болгарским (911 г.), а другого — русским (944 г.). По мнению Б. А. Ларина, все три договора нужно рассматривать как документы, отражающие состояние русского языка в X в., однако не языка вообще, а лишь особой его разновидности, а именно, языка юридического или делового. Неоднородность же языка договоров, считает он, можно объяснить тем, что в них механически соединены записи речей русских послов и перевода на русский язык записей речей греческих дипломатов, сделанного, возможно, и не на Руси [10: 24-51].

Правовой порядок существует в каждом обществе задолго до появления письменности, в том смысле, что имеются законно созданные власти, применявшие закон. В истории народов Западной Европы не было, пожалуй, такого времени, когда они были бы лишены правового порядка: самые ранние памятники письменности — это сборники законов, а Тацит в I–II вв. н. э. описывает германские общие собрания, выступавшие в роли судов. С самых давних времен церковь также объявляла законы и устанавливала процедуры для решения дел. Однако же правовые правила и процедуры, применявшиеся в различных правовых порядках на Западе до XI–начала XII вв., преимущественно не были дифференцированы от общественного обычая и политических и религиозных институтов. К числу черт, отличающих древнее право от его более развитого вида в последующем, историки права относят следующее. Очень малая часть права была записана. Не было ни профессионального судопроизводства, ни профессионального класса юристов, ни профессиональной юридической литературы. Право не систематизировалось сознательно. Его еще не извлекли из целостной общественно-культурной матрицы, частью которой оно было. Не существовало и независимого, единого, развивающегося организма правовых принципов и процедур, ясно отличимых от других процессов общественной организации и сознательно излагаемых корпусом специально обученных лиц [6: 61-62].

Рассмотрим далее отношение права к религии и культуре в целом в истории двух народов. Лингво-семиотический анализ взаимодействия права и культуры в России представлен в работе В. М. Живова «История русского права как лингво-семиотическая проблема» [1]. Исходной посылкой данной работы является мысль о наличии в России культурного и религиозного дуализма. Автор пытается ответить на вопрос, в каком отношении к культурно-религиозному дуализму находится право. При этом кардинальным признается тот факт, что наряду с правом на русском языке имели хождение юридические тексты на церковнославянском языке, то есть в истории русского права наблюдаются две юридические системы: архаическая юридическая традиция, являющаяся частью языческой культуры, и византийские правовые традиции, отражающие христианскую культуру. В. М. Живов сопоставляет столкновение русского и византийского права с конфликтом христианства и язычества в русском культурном сознании. В России, утверждает он, язычество теряет культурный ста-

тус, но не теряет статуса религиозного, становясь антирелигией и образуя отрицательную религиозную область. В то время как на Западе, в том числе и во Франции, язычество теряет религиозный статус, но не теряет культурного статуса, становясь нейтральной в религиозном отношении культурной традицией. Отличие от России состоит в том, что обычное право на Западе также сохраняет культурный статус, входя в качестве одного из элементов в религиозно-нейтральную культурную область, тогда как в России древнее право было вытеснено за пределы культуры, но в противоположность славянскому язычеству вне культуры оно образовало нейтральную в религиозном отношении область (как и западное право) [1: 48; см об этом также 11: 13-16]. Схематически данную ситуацию можно изобразить следующим образом².

Иначе говоря, древнерусское синкретическое культурное сознание, в котором были слиты воедино и языческие религиозные воззрения, и традиции обычного права, под воздействием христианства оказалось расщепленным. Культура стала отождествляться с христианской религией и всеми сопутствующими ей атрибутами, язычество приобрело статус антикультуры и антирелигии, а древнее право, регулирующее отношения между членами общества, хотя и нейтрально по отношению к религии, вытеснено из сферы культурного со всеми вытекающими отсюда последствиями: за ним закреплен не язык сакральный (церковнославянский), а язык мирской, «низкий», язык бытового общения (древнерусский).

Таким образом, право в России принадлежит сфере антикультуры. Характеризуя модель семиотической системы, Ю. М. Лотман замечает, что мир внесистемного представляет собой перевернутую систему, ее симметричную трансформацию [12: 94]. Эта мысль подтверждается и нашим материалом. Языческая культура вытеснена из области культуры в мир внесистемного, следовательно, может рассматриваться как трансформированная культурная система, антисистема. Язычество представляет собой не только отрицательную область культуры (антикультуру), но и отрицательную в религиозном отношении область (антирелигию). Право же нейтрально в религиозном отношении и служит связующим звеном (мостиком) между двумя противоположенными феноменами:

ЯЗЫЧЕСТВО=КУЛЬТУРА ЯЗЫЧЕСТВО=РЕЛИГИЯ ПРАВО=КУЛЬТУРА	====>	ХРИСТИАНСТВО = КУЛЬТУРА ХРИСТИАНСТВО = РЕЛИГИЯ ПРАВО = АНТИКУЛЬТУРА ЯЗЫЧЕСТВО=АНТИРЕЛИГИЯ ЯЗЫЧЕСТВО=АНТИКУЛЬТУРА
---	-------	--

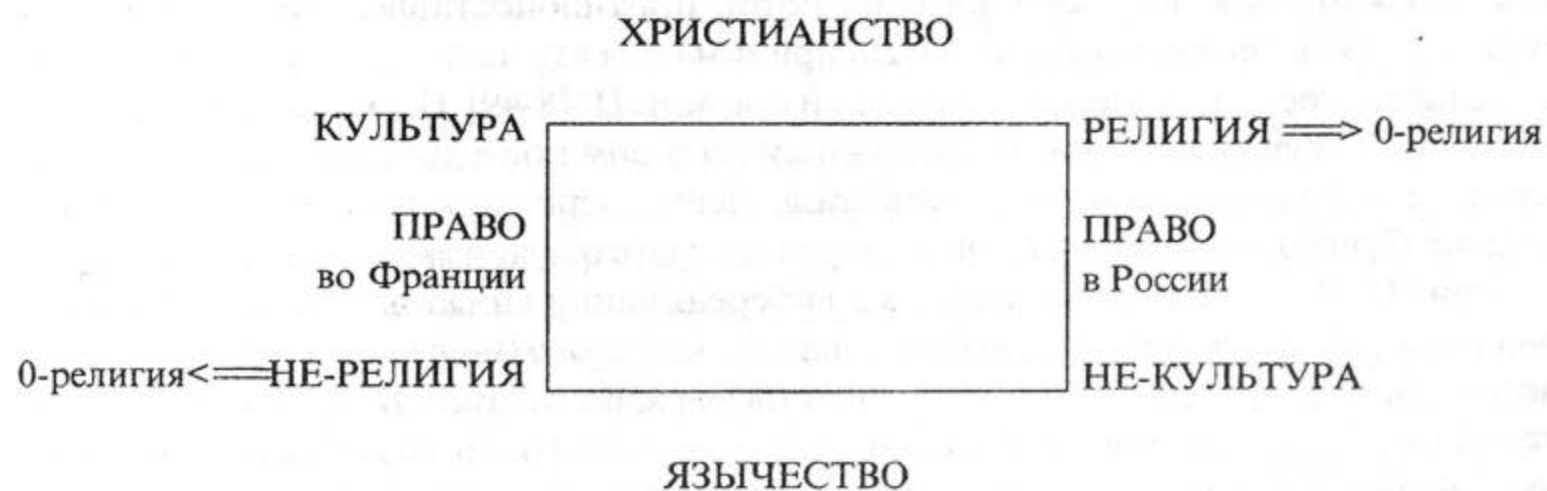
Эти отношения можно также выразить с помощью семиотического квадрата, который демонстрирует механизм мышления человеческого разума и применяет идеи Ф. де Соссюра о положении знака в системе языка к другим проявлениям человеческого духа. Известно, что каждый знак в системе языка обладает значимостью (ценностью) лишь по отношению к прочим членам системы: значение знака выявляется по его оппозиции с другими знаками.

¹ Принятые символы означают: К — культура, П — право, Ро — нейтральность по отношению к религии.

Под семиотическим квадратом понимается визуальное представление логической организации какой-либо семантической категории. Элементарная структура значения, определяемая как отношение между двумя, как минимум, членами, основывается на отношениях противоположности, которые характеризуют парадигматическую ось языка. Семиотический квадрат позволяет уточнить отношения, существующие между членами системы: так, различают а) отношения противоречия (contradiction), базирующиеся на операции отрицания, когда присутствие одного члена неизбежно предполагает отсутствие другого и наоборот, б) отношения дополнительности, базирующиеся на операции утверждения (ассерции); в основе этих отношений лежат отношения импликации (включения), в) отношения противоположности, базирующиеся на отношениях взаимной пресуппозиции [13: 29-33, 55, 67-69, 262].

Считаем возможным применить данный способ представления знаний к категориям, относящимся к культурной сфере. Право представляет собой отдельный элемент социокультурного континуума, и его значимость (ценность) будет ясна из сопоставления с другими членами данной системы. Семиотический квадрат в данном случае будет образован составляющими таких феноменов, как язычество и христианство.

Из столкновения язычества и христианства в России вытекает следующее. Христианство сохраняет свои признаки «культура», «религия», язычество их утрачивает, превращаясь в антисистему с признаками «не-религия», «не-культура». По отношению к понятиям «культура»/«не-культура», «религия»/«не-религия» язычество и христианство выступают как метатермины, метапонятия, установившие между собой отношения высшего порядка с точки зрения иерархии — в данном случае отношения противоречия.

Язычество в России, с одной стороны, не принадлежит сфере культуры и, с другой стороны, трансформируется в антирелигию (не-религию), соответственно и право в России лишается признака принадлежности к культуре, однако оно не характеризуется и признаком религиозности — этот признак нейтрализуется. Язычество во Франции остается в сфере культуры (сохраняет этот признак), однако признак религии эта категория утрачивает, в связи с чем и право во Франции отмечает нейтральность по отношению к религии.

Различие в статусе язычества в данных странах можно, по-видимому, объяснить тем, что процесс христианизации Галлии протекал эволюционным путем, новая религия постепенно замещала в сознании людей старые верования, сохраняя при необходимости прежние культурные привычки. Тогда как на Руси христианизация осуществлялась быстрыми темпами, революционным путем: новая религия является проводником новой культуры, отбрасывающей все старое как мешающее ей укорениться на вновь осваиваемой территории.

Таким образом, право в обеих странах обладает общим признаком — нейтральность по отношению к религии и различается признаком вхождения или не-вхождения в область культуры.

По мнению В. М. Живова и Б. А. Успенского, специфическая культурная ситуация в России начинает складываться сразу же после крещения Руси. До крещения Руси христианский и языческий культы существовали параллельно, не входя в оппо-

зицию сакрального — мирского, а церковнославянский язык еще не связывается исключительно с христианской культурой. После крещения 988 г. христианское и языческое уже противопоставляются как положительное и отрицательное начала, взаимоисключающие друг друга [11: 12]. В подтверждение того, что специфическая культурная ситуация непосредственно отразилась на юридической ситуации, В. М. Живов приводит свидетельство летописца под 996 г. о том, как к князю Владимиру явились епископы и предложили ему судить по византийским законам, предусматривавшим физические наказания (казни) для разбойников вместо виры (откупа). Это свидетельствует о том, что, будучи христианином, Владимир следовал нормам славянского, а не византийского права. Князь последовал совету епископов и стал судить по греческим законам. Однако затем снова пришли епископы, теперь вместе со старцами, то есть с представителями языческого обычая, хранителями старины¹, и сказали, что приходится много воевать, а средств на военные расходы не хватает, поскольку казна лишилась такого дохода, как виры, и посоветовали ему снова заменить казнь вирами. Этот момент В. М. Живов и предлагает считать началом юридического дуализма в России. Данный эпизод, по его мнению, свидетельствует о первом столкновении двух юридических норм, противопоставленных по признаку религиозности: византийское право воспринимается как часть христианской культуры, славянское — как элемент языческой старины [1:48-49]. На это же событие ссылается Б. А. Успенский, считая его важным по своим последствиям, поскольку оно имеет непосредственное отношение к становлению церковнославяно-русской диглоссии. Существование культурного и религиозного дуализма в России, о котором говорит В. М. Живов, проявляется в дифференциации книжного / некнижного, совпадающей с дифференциацией сакрального / мирского (шире: культурного / бытового). Дифференциация книжного / некнижного, по мнению Б. А. Успенского, не совпадает с дифференциацией письменного — устного. Появляется особая сфера письменности, ассоциирующаяся с мирским и бытовым и, следовательно, недостойная применения книжного (церковнославянского) языка. К этой сфере как раз и относится деловая (в том числе юридическая) и бытовая письменность [11: 14-15].

Итак, древнейшее русское право обладало культурным статусом в рамках языческой культуры. С появлением письменности оно было зафиксировано, причем на русском (некнижном), а не на церковнославянском (книжном) языке (см. выше о языке договоров с греками). Это определило последующий культурный статус русских юридических текстов. В русской культурной ситуации, установившейся после крещения Руси, по утверждению В. М. Живова, к культуре относилось то, что входило в сферу церковнославянского языка; то же, что входило в сферу русского языка, лежало вне пределов культуры. Употребление того или иного языка определяет культурный статус некоего явления действительности. В частности, все, что написано на церковнославянском языке, получает место в сфере культуры, тогда как письменность на русском языке отходит к сфере быта, обычая, стоит вне культуры. Таким образом, византийское право, переведенное на церковнославянский язык, получает культурный статус, а русское право, излагавшееся на русском языке, лишается культурного статуса (вместе с большинством других компонентов языческой культуры) [1: 54]. Складывается, таким образом, парадоксальная ситуация: право, лежащее в сфере культуры, — церковнославянское (византийское) — было недействующим или, вернее, ограниченно действующим, поскольку находило применение только при ре-

¹ Тот факт, что вместе со старцами упоминаются епископы, объясняется Б. А. Успенским влиянием евангельского текста, в котором постоянно встречается устойчивое словосочетание «архиереи и старцы». Он предполагает, что в данном случае перед нами своеобразный фразеологический церковнославянизм (11: 14-15). В. М. Живов, также считая совместные действия епископов и старцев маловероятными, относит это упоминание на счет благочестия летописца (1: 49).

шении вопросов, находившихся в компетенции церковных судов, а действующее право лежит вне сферы культуры. Культурный статус ему будет присвоен лишь в XVII в. Сосуществование двух различных письменных языков — церковнославянского литературного и русского административного — является оригинальной чертой языкового развития в России.

Во Франции также наблюдается сосуществование двух языков — латинского и старофранцузского (французского), но здесь эти два языка соотносятся с дифференциацией письменного и устного. Старофранцузский язык до XIII в. был преимущественно языком устного общения. Латинский язык оставался единственным паневропейским языком, над которым не были властны ни время, ни пространство. Общеευропейская культура этого периода была латинизированной и письменной, а образованные люди той эпохи были, как минимум, билингвами. Национальная же культура, а вернее, культура французской народности была преимущественно устной. Период, в течение которого французский язык выходит на авансцену истории, постепенно вытесняя латинский язык из всех традиционных сфер его употребления (в том числе, и из области права), простирается с XIII по XVII вв.

Таким образом, противопоставление церковнославянского литературного и русского делового отличает языковую ситуацию в России от ситуации во Франции. В России то, что связано с правом, как бы исключалось из области культуры и не способствовало развитию национальной литературной традиции. Во Франции право изначально ассоциируется с культурой, продолжая культурно-правовые традиции Рима. В России уже самые древние правовые тексты написаны на древнерусском языке, тексты на церковнославянском и на древнерусском языках не пересекаются, поскольку контексты их употребления оказываются противопоставленными. Во Франции первоначально языком права является латинский, язык цивилизации. Юридические тексты на французском языке представляют собой хронологически более позднее явление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Живов В. М. История русского права как лингво-семиотическая проблема // *Semiotics and the History of Culture. In Honor of Jurij Lotman.* — Columbus; Ohio. 1988. P. 46 -87.
2. Успенский Б. А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 265-278.
3. Кармин А. С. Культурология. Культура социальных отношений / Сер. «Мир культуры, истории и философии». СПб., 2000. 128 с.
4. Хачатуров Р. Л. Некоторые методологические и теоретические вопросы становления древнерусского права / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. Иркутск, 1974. 185 с.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. 640 с.
6. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М., 1994. 592 с.
7. Kadlec K. Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves. P., 1933. VIII. 328 p.
8. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М., 1995. 456 с.; Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права // *Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.* М., 1978. С. 221-240.
9. Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1988. 176 с.
10. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XVIII вв.): Учеб. пособие для филолог. спец. ун-тов и пед. ин-тов. М., 1975. 327 с.
11. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв). М., 1994. 240 с.
12. Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 90-101.
13. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A.-J. Greimas, J. Courtes. P., 1993. 454 p.